

26.03.80

Евг. ЕВТУШЕНКО. У меня сложилось впечатление, что французы мало покупают поэтических книг, плохо знают свою поэзию. Может быть, я ошибаюсь? Если нет, тогда в чем тут причина? Означает ли это, что французская поэзия находится в состоянии кризиса или интерес к поэзии переживает кризис? Каковы, например, были прижизненные тиражи книг Артюра Рембо, Верлена, Элюара по сравнению с прижизненными тиражами современных поэтов?

Ален БОСКЕ. Вы совершенно правильно считаете, что во Франции читающая публика, кроме нескольких сот человек, предпочитающих молодых поэтов, и примерно двух тысяч, которые предпочитают поэтов признанных, утрачивает интерес к поэзии, или, точнее говоря, к чтению стихов. Это не новое явление. За всю долгую историю нашей поэзии, не считая средневековья, когда поэзия существовала в основном в устной форме, наши поэты пользовались популярностью лишь на протяжении двух эпох: во времена романтизма, между 1810 и 1830 годами, когда Виктор Гюго, Альфонс де Ламартин и Альфред де Виньи волновали в очень ясных и ярких стихах всю пылкость их поколения. И затем во время немецкой оккупации, между 1940 и 1944 годами, когда поэзия Сопролетения в лице Элюара, Арагона и Пьера Эммануэля вновь сумела выразить все тревоги и страдания целого народа. Немецкая цензура была более придирчива к прозе, чем к поэзии. Во все другие времена за нашей поэзией следили лишь небольшие, фанатично влюбленные в нее, но узкие группы людей. Показательно, что Артур Рембо при жизни не нашел издателя. Вспоминаю, как в 1938 году купил один сборник Поля Элюара, выпущенный в 1922 году: это было первое издание тиражом 500 экземпляров, другого тогда совсем не было.

Состояние нашей мало читаемой, но очень богатой именами поэзии, таким образом, увы, нормально. Такое положение вещей имеет несколько причин давнего происхождения. Поэзия Франции, особенно после Бодлера и Малларме, в первую очередь является сферой экспериментирования и авангардистского поиска.

Вследствие этого ее язык труден и требует от читателя серьезной подготовки. Этого усилия не хотят сделать ни народ, ни средние классы. Поскольку поэзия перестала быть рациональной и социальной, она уже не является жизненной необходимостью. Можно обвинить девять из десяти поэтов в излишней интеллектуализации и начетничестве.

С другой стороны, «потребитель» западного толка считает поэзию малоразвлекательной. Прибавьте к этому и два других обстоятельства более широкого плана. Первое касается ощущения — зачастую подсознательного, — что Франция переживает относительно спокойные годы, несмотря на безработицу и трудовые конфликты, вследствие чего она не стремится переоценивать окружающее и не желает, чтобы поэзия открывала ей новые ценности. Мы пассивны во всех областях, в том числе и в искусстве. Второе обстоятельство связано с недоразумением: средства массовой информации, недолюбливающие поэзию, создают видимость, что она живет в песне. С моей точки зрения, считать, что Жак

ЦЕЛЬЗЯ

Брель (лучший из них), Жорж Брассанс или Шарль Азнавур истинные, в полном смысле слова, поэты, — большая ошибка. Народ же, наоборот, утверждает, что только они поэты и есть. Я заканчиваю ответ на ваш вопрос замечанием: слишком многие наши молодые поэты, зараннее уверенные в том, что будут непоняты, изобретают язык, далекий от классического. Тем самым они создают повод для еще большего их непонимания.

Е. Может ли образованный человек быть полноценным, если он не любит поэзию?

Б. Цивилизованный человек не может жить без искусства, благодаря которому он постигает идеал, неизвестное или просто-напросто другое представление о самом себе. Музыка приводит его в восторг, и это восхищение необязательно передавать в словах. Живопись дает ему ощущение совершенства, близости к вечно недоступному, но все же доступному для понимания образцу. Поэзия, может быть, не так непосредственно затрагивает чувства, она более требовательна, потому что имеет дело со словом: тот, кого она волнует, переживает это волнение, реализуя его в мысли, способности анализировать, в игре воображения. Чудо поэзии в том, что она обращена также и к разуму: без этого нельзя обойтись.

Е. После ухода таких значительных поэтов мира, как Сен-Жон Перс, Т. С. Элиот, Оден, Пастернак, Неруда, по мнению многих, в мировой поэзии нет достойной замены в лице молодых. Как вы думаете, с чем связано появление крупных поэтических индивидуальностей? С историей? С развитием языка? С психологическим состоянием народа, человечества?

Б. После смерти великого поэта люди часто поддаются искушению считать его незаменимым. А затем появляется другой великий поэт. Существует также мнение, что рождение уникального поэта связано с каким-либо значительным историческим событием. Это неправомочно для Франции. Ни одно из наших исторических событий не породило шедевра, непосредственно связанного с ним. Ни революция 1789 года, ни Парижская коммуна, ни победа над Верденом не нашли своего отражения в каком-либо памятном произведении. С течением времени нам даже приходится признавать, что наши стихи периода Сопролетения уступают поэ-

ДИАЛОГ В МАСТЕРСКОЙ ПИСАТЕЛЯ

Ален БОСКЕ — Евгений ЕВТУШЕНКО

(ФРАНЦИЯ)

(СССР)

ЖИТЬ БЕЗ ПОЭЗИИ

- ПОЧЕМУ ВО ФРАНЦИИ МАЛО ЧИТАЮТ ПОЭЗИЮ?
- ДВЕ МОЛОДЫЕ СОПЕРНИЦЫ СТАРЫХ МУЗ
- ЛИТЕРАТУРА И МОРАЛЬ
- ДЕСЯТЬ ЛУЧШИХ РОМАНИСТОВ МИРА?..

статочно? Или — даже если их будет написано в десять раз больше — это не поможет? Почему? Может быть, мы преувеличиваем значение литературы и не только от нее зависит мораль человечества? Но если мы, писатели, не будем ставить перед собой моральную сверхзадачу помимо чисто артистической, тогда зачем писать?

Б. Опасно смешивать литературу и мораль. Из поведения Данте, Шекспира, Достоевского, Свифта нельзя извлечь никакого урока. Литература же исследует самые потаенные уголки сердца: надежду или отчаяние, одиночество или солидарность, мечту или реальность. Для воспитания граждан государству нужны поучительные книги. А также гении... Замечательно, что творчество Маяковского было так сопрячено идеям его времени в его стране. Зачастую же гений остается непонятым, потому что он опережает свое время. Точнее говоря, красота, совершенство сами по себе являются особой моралью...

Е. Какова судьба нашумевшего в свое время направления «антироман»? Если бы вас спросили о первой десятке сегодняшних романистов мира, кого бы вы назвали?

Б. «Новый роман», или «антироман», означает собой конец психологической логики в том виде, как она существовала в произведениях Бальзака или Толстого. На смену этому понятию пришли элементы психоанализа и вечного сомнения по поводу взаимосвязи между героем и его действием: вольно или невольно, до какой степени? К тому же автор исключает

себя и уже не играет роли судьи: он сам уже не знает до конца причин, которые толкают его героев к действию. Наконец, «новый роман» на фоне страха перед ядерной войной позволяет предметам, обстановке, внешним элементам играть почти столь же важную роль, что и человеку. Я резюмировал бы эту ситуацию в таком вопросе: «Человек ли открывает дверь или каким-то таинственным образом дверь внушает человеку мысль открыть ее?»

Я называю только живых. В прозе это в первую очередь американцы Теннесси Уильямс и тюрк Яшар Кемаль. Затем Габриэль Гарсиа Маркес и аргентинец Хорхе Луис Борхес. Сэмюэль Беккет — как автор романов и драматург. Три поэта: швед Артур Лундквист, болгарка Елисавета Багряна и грек Янис Рицос. Из скромности я не называю французского, но не могу не упомянуть Жана-Поля Сартра. И позволю себе мне из вежливости не называть имен русских писателей, которых я люблю.

Е. Над чем вы сейчас работаете?

Б. После выхода в свет моего автобиографического романа «Русская мать», ныне переведенного на шесть языков, я заканчиваю работу над стихотворным циклом — 160 сатирических стихов, — в котором ставлю вопросы: что такое деловой человек, что такое транквилизатор, что такое власть денег? Французская поэзия до сих пор была очень сдержанна в рассмотрении этих проблем.

Е. Как вы относитесь к русской литературе?

Б. Поскольку поэзия Пушкина почти непереводаима на французский язык, а фигура Гоголя представляется нам загадочной в ее боли, ни тот, ни другой заметно не повлияли на нашу литературу. Напротив, Достоевского мы считаем одним из самых значительных писателей мировой литературы: по правде говоря, именно Достоевский, в большей степени, чем Шекспир, Сервантес или Гёте, повлиял на писателей, которым свойственно ощущение исконной вины человека; в этом смысле он и Франц Кафка — новаторы, не имеющие себе равных. С 30-х годов Маяковский имел своих приверженцев, особенно в лице Арагона. Чехов повлиял на некоторых драматургов интимного жанра в 40-х и 50-х годах. В последнее время в области поэзии наши молодые поэты обращаются к советской поэзии, находя у вас некоторую свежесть и прямоту...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Беседа с Аленом Боске была для меня крайне интересна, ибо он является и одним из ведущих современных французских поэтов, и одним из наиболее читаемых прозаиков (его книга «Русская мать» была недавно удостоена премии Французской академии). Кроме того, Ален Боске — один из законодателей критики, постоянно выступающий в газете «Монд» по вопросам литературы. И, наконец, он признанный знаток живописи, и у него одна из лучших в Париже частных коллекций. Трудно найти человека во Франции, который мог бы так профессионально разбираться во всех жанрах искусства. Мать у Алена Боске была по происхождению из России, и хотя он пишет по-французски, но говорит по-русски прекрасно, совершенно без акцента. Его ответы на мои вопросы поражают свободой движения мысли профессионала-эссеиста и вызывают уважение, хотя многое ка-

жется и довольно спорным, с моей точки зрения. Но таково искусство — на него, видимо, не может быть двух одинаковых взглядов.

Интересен анализ малочитаемости французской поэзии, где трагически точно определено, почему некоторые молодые поэты своим отрешенным «экспериментаторством» «создают повод для еще большего их непонимания». Но весьма сомнительно, что Франция «не стремится переоценивать окружающее и не желает, чтобы ей открывали новые ценности». У меня сложилось впечатление, что французская молодежь полна жажды именно этой переоценки, что иногда приводит ее к хватанию за ложные ценности, за камуфлированные в «левацкие» риторические тоги. Но есть и здравая переоценка буржуазных мнимых ценностей, переходящая не в дешевый нигилизм, а в осмысленные необходимости борьбы за будущее. Походя брошенная фраза о якобы существующем нежелании повышать подготовку к чтению поэзии — «этого усилия не желают делать ни народ, ни средние классы» — страдает отсутствием определения того, что такое народ. Однако это определение — одно из самых трудных. Легко опрокидывается самим опытом французской литературы тезис Боске о том, что «ни революция 1789 года, ни Парижская коммуна не нашли своего отражения в каком-либо памятном произведении».

Ален Боске говорит, что «опасно смешивать литературу и мораль». Конечно, опасно, если литература вырождается в сухое морализаторство. Но, на мой взгляд, основные моральные ценности человечества зиждятся именно на великой литературе. Пример Маяковского сам полемизирует с Аленом Боске. Маяковский воевал стихами и за победу революции, и за новые победы уже победившей революции, ибо революция для него не была чем-то застывшим, как вулканическая лава, а постоянно живой, развивающейся, дышащей, сражающейся.

Но в целом ответы Алена Боске вызывают мое глубокое уважение и, надеюсь, могут читателям «Литературной газеты» почувствовать атмосферу главных проблем, стоящих сегодня перед западной интеллигенцией. Ален Боске выразил надежду побывать на родине своей матери, и я уверен, что советские писатели и читатели окажут ему традиционное сердечное гостеприимство.